

Дополнительная информация о биографии и творчестве И.С. Тургеневе для самостоятельного изучения.

Иван Сергеевич Тургенев происходил из дворянской среды. Такая биографическая констатация для нас привычна: из этой среды вышло большинство крупнейших русских писателей XIX столетия. И, может быть, привычка-то как раз и мешает нам видеть парадоксальность самого этого факта.

Семья, в которой он родился и вырос, могла бы служить выразительнейшим примером того, как крепостничество уродует характеры самих господ. Его мать. Варвара Петровна, - говорить нужно сначала и преимущественно о ней, потому что она была фактически главой дома,— происходила из богатой провинциальной помещицкой семьи Лутовиновых. Судьба как будто нарочно позаботилась о том, чтобы эта женщина с детских лет и до самого замужества испытала на себе все превратности и все обиды, какие только могли быть изобретены в обстановке помещицкого всевластия и безответственности.

Для матери, вышедшей замуж за другого, ее дочь от первого брака оказалась помехой, а отчим издевался над падчерицей, по-видимому, просто потому, что за нее заступиться было некому. В конце концов девушка должна была бежать из дому. Кров она нашла у родного дяди - Ивана Ивановича Лутовинова. Но и там ее ожидало то же - и надругательства. Кончилось тем, что старик деспот прогнал племянницу, и она должна была искать пристанища у чужих людей. Но вскоре дядя умер в одночасье, и она оказалась наследницей всего его большого состояния, включавшего в себя и то самое Спасское, которое известно теперь в всем мире.

Поздней осенью 1815 года в Спасское приезжал молодой, необычайно красивый отпускной кавалергард Сергей Николаевич Тургенев. На Варвару Петровну он произвел сильное впечатление, и она сразу же приняла меры. Как вспоминает близкая и сочувствующая ей современница, она через своих знакомых велела передать Сергею Николаевичу, «чтоб он смело приступил к формальному предложению, потому что отказа не получит». Характерная черта нравов: с чего бы, кажется» Сергею Николаевичу заробеть? Принадлежал он к старинной дворянской фамилии, ведущей свою родословную со времен Василия Темного; участвовал в Отечественной войне и за храбрость, проявленную в Бородинской битве, был награжден Георгиевским крестом, а теперь служил в одном из привилегированных гвардейских полков. Но Варвара Петровна хорошо знала, что делала: она не слыла красавицей и была на много лет старше Сергея Николаевича, но зато она была богатой невестой, а он — «нищий»: у его отца—при большой, семье - крепостных душ было всего что-то около 140.

Отношения в этой семье определялись довольно строго. Иллюзий не было, Сергей Николаевич, должно быть, даже и не пытался посягать на прерогативы Варвары Петровны как полновластной и самовластной хозяйки

всего семейного состояния. В доме царила атмосфера отчужденности и еле сдерживаемого взаимного раздражения. Супруги сходились, пожалуй, только в одном - в стремлении дать своим детям наилучшее образование. На это не жалели ни денег, ни собственных усилий. Они внимательно следили за их прилежанием, входили во все подробности их ежедневных занятий и т. п. Уже в раннем детстве будущий писатель хорошо говорил и писал по-французски, по-немецки и по-английски; особое внимание в семье Тургеневых обращали на овладение родным языком: судя по его письмам, двенадцатилетний Иван Тургенев достаточно свободно 'и непринужденно для своих лет умел выразить и неподдельную сердечность, и не по годам развитую наблюдательность, и свой врожденный юмор.

Но когда речь заходила о его детстве, Тургенев чаще всего вспоминал о том, в чем особенно резко сказывались крепостнические порядки и обычаи их семьи. Варвара Петровна считала телесные наказания универсальной мерой внушения; само собой понятно, что предназначена она была прежде всего для крепостных, но применяла она ее и к детям. Их секли за все: за невыученный урок, за не понятую взрослыми шутку или за невинную, пустячную шалость, секли по подозрению и чуть ли не на всякий случай.

В 1827 году Тургеневы всей семьей переехали в Москву - главным образом с той целью, чтобы продолжить образование детей. В те годы состоятельные дворяне предпочитали обучать своих детей не в казенных учебных заведениях, а в частных. Так поступили и Тургеневы: вскоре после приезда в Москву Иван был определен сначала в пансион Армянского института, а через несколько месяцев в пансион Вейденгаммера. Однако не прошло и двух лет, как его взяли и оттуда, и в дальнейшем никаких попыток поместить

Тургенева в какой-нибудь пансион или гимназию уже не предпринималось. Подготовку к поступлению в университет он продолжал и завершил под руководством домашних учителей.

Тургенев учился в Московском университете всего только один год; в 1834 году он вместе с отцом и старшим братом, поступившим в Петербургское артиллерийское училище, переехал в Петербург и стал студентом тамошнего университета, который через два года и окончил. Однако впоследствии он говорил о Московском университете едва ли не чаще, чем о Петербургском, всегда отдавая предпочтение первому, перед вторым.

Петербургский университет с самого своего основания был постоянно под непосредственным неусыпным надзором правительства, что, разумеется, сказывалось на всех сферах университетской жизни. В Московском университете хотя бы по одной только дальности расстояния труднее было водворить столь вожденную для николаевской администрации казенную благопристойность. Воспитанники Московского университета особенно дорожили традициями вольнолюбивой студенческой общественности.

У Петербургского университета были и свои преимущества, в особенности для тех, кто учился на словесном факультете. Он находился в центре тогдашнего литературного движения: Пушкин, Крылов, Жуковский, Гоголь — все они жили в Петербурге. Это не могло не сказываться и на университетской жизни. Большим влиянием в университете и на словесном факультете пользовался ‘профессор П. А. Плетнев, поэт и критик, один из ближайших друзей Пушкина, тот самый Плетнев, которому великий поэт посвятил своего «Евгения Онегина».

Писал он тогда много и смотрел на свою литературную работу, по-видимому, вполне серьезно. Убедительным подтверждением и того и другого является его письмо профессору А. В. Никитенко от 26 марта 1837 года: «Я колебался, должен ли я был послать драму, писанную мною 16 лет, мое первое произведение, - я столько вижу в ней недостатков, и вообще весь план ее мне теперь так не нравится, что если б я не надеялся на Вашу снисходительность, а главное, если б я не думал, что по первому шагу можно по крайней мере предугадать будущее, я бы никогда не решился бы Вам ее послать...

Тургенев не любил вспоминать о своих студенческих литературных опытах; самое начало своего писательства он отодвигал почти на десять лет — уже в сороковые годы. Очевидно, главным образом поэтому большая часть написанного им в университетские годы и не дошла до нас. С точки зрения зрелого, взыскательного художника, Тургенев был прав: сохранившиеся образцы его писаний не поднимаются над уровнем литературного ученичества. Но для историка литературы и для всякого, кто хочет понять, как пробивались первые ростки тургеневского дарования, они имеют неоценимое значение.

Он начинал свою писательскую деятельность в переходное для русской литературы: время. Это были годы после-декабрьской реакции. Та часть дворянства, из среды которой вышли декабристы, была деморализована. «Людьми овладело глубокое отчаяние и всеобщее уныние. Высшее общество с подлым и низким рвением спешило отречься от всех человеческих чувств, от всех гуманных мыслей. Не было почти ни одной аристократической семьи, которая не имела бы близких родственников в числе сосланных, и почти ни одна не осмелилась надеть траур или выказать свою скорбь».

Увлечение молодого Тургенева стихами Бенедиктова также было predetermined прежде всего условиями времени. На фоне той унылости, которая царил в стихах запоздалых подражателей Жуковского, стихи Бенедиктова выделялись бодростью тона, размашистой энергией речи. Однако эти свойства могли predetermined лишь первое впечатление. При ближайшем рассмотрении стихи Бенедиктова обнаруживали закоренелую и, так сказать, стихийную консервативность их автора. Бенедиктов готов был украсить стиховыми узорами самые отвратительные явления николаевской действительности. Казарменные нравы он воспевал как воплощение рыцарства; с прямолинейностью лакея, допущенного в гостиную, он

приходил в восторг от «ароматной сферы балов» и т.п. Он простодушно признавался, что больше всего его вдохновляли «очи огневые, да кудри темные, да перси наливные». Разумеется, эти предметы требовали соответствующих средств выражения. Бенедиктов довел одно из свойств романтического стиля— сложную метафоричность — до крайней степени напряженности и вычурности.

Урок, заочно полученный от Белинского, был одним из важнейших моментов во всей писательской судьбе Тургенева. Ведь дело состояло не только в исправлении ошибок неопытного вкуса, хотя и это само по себе не так уж мало. Согласие с Белинским предполагало изменение взглядов не только на искусство, но и на саму жизнь и, стало быть, на отношение искусства к жизни: от поисков небывалого, «великого» (недаром зрелый Тургенев назовет школу романтиков 30-х годов «ложно-величавой» школой) необходимо было переходить к изучению реальной действительности - во всех ее ипостасях; наступала пора наблюдений и анализа. Теперь наряду с литературными занятиями Тургенев много времени посвящал изучению философии. Интерес к философии был настолько серьезен, что Тургенев намеревался посвятить себя профессорской деятельности—именно по кафедре философии. Желание усовершенствоваться главным образом в этой области знаний и привело Тургенева в Берлинский университет.

В этом, уже третьем, университете Тургенев с большими перерывами провел около двух лет. Он усердно изучал там Гегеля под руководством его ортодоксальных учеников и вместе с тем внимательно следил за выступлениями левых гегельянцев, во многом с ними соглашаясь; но, по-видимому, самым значительным моментом его тогдашних философских штудий было знакомство с сочинениями Л. Фейербаха; позднее Тургенев скажет, что из всех философов Германии «Фейербах—единственный человек, единственный характер и единственный талант».

Тургенев изучал тогда не только философию, но и литературу— немецкую, французскую, английскую, итальянскую,— и искусство почти во всех его сферах. И все, что он знал, он знал основательно, не из третьих рук. О нем можно сказать, что он был эрудитом в самом точном и высоком смысле этого слова. Но книги не были единственным источником знаний; студентом он много путешествовал по Европе; музеи, мастерские художников, театры — видел он много, и много удержала его беспримерно обширная память. Однако он не был похож на туриста, озабоченного только тем, чтобы не пропустить какой-нибудь достопримечательности. В нем смолоду обнаружилась склонность любовно всматриваться в народную жизнь, где бы судьба ни свела его с ней. Путешествуя в те годы по странам Западной Европы, он наблюдал, сравнивал и решал...

В феврале 1843 года состоялось личное знакомство Тургенева с Белинским. Белинский был старше Тургенева на семь лет, но ни тот, ни

другой не замечали этой разницы. В своем отношении к молодым литераторам Белинский меньше всего напоминал снисходительного мэтра, мудреца, изрекающего истины, лишь ему одному ведомые. Он принадлежал к числу тех истинно мудрых людей, которые готовы учиться, у всякого, кто владеет полезными сведениями. Новый знакомец в этом смысле был для него особенно интересен.

Тургенев не принадлежал у. числу тех писателей, к кому широкое .признание приходит скоро или даже сразу, как, например, к Достоевскому, который после опубликования первого же его романа «Бедные люди» стал знаменитостью; в этом смысле и другие сверстники Тургенева—И. А. Гончаров, В. Д. Григорович—на первых порах были гораздо счастливее его. В 1838—1842 годах он писал мало и только лирику. Но ни одно из немногих опубликованных им стихотворений не привлекло внимания ни читателей, ни критики. Отчасти, может быть, по этой причине он все большей больше внимания уделял поэме (с преимуществом эпического начала в ней) и драме. На этом пути его и ожидал первый успех: в апреле 1843 года вышла в свет его поэма «Параша», а в начале мая этого года появился очередной номер «Отечественных записок», в котором была напечатана большая безоговорочно хвалебная рецензия на, нее Белинского.

Среди произведений зарождавшейся тогда «натуральной» школы «Параша» не выделялась какой-то особой оригинальностью; незаурядным явлением в литературе она стала главным образом благодаря рецензии Белинского, хотя он вед речь, по существу, не столько о самой поэме, сколько о свойствах таланта Тургенева в целом. Тут еще раз во всей своей силе обнаружилась неповторимая способность Белинского видеть в первых, еще далеких от совершенства произведениях того или иного писателя самые коренные свойства его таланта.

Вот как в этой рецензии определены основные свойства таланта Тургенева: «...верная наблюдательность, глубокая мысль, выхваченная из тайники русской жизни, изящная и тонкая ирония, под которою скрывается столько чувства, - все это показывает в авторе, кроме дара творчества, сына нашего времени, носящего в груди своей все скорби и вопросы его» ^ Эти строки похожи на пророчество задним числом, кажется, что такие заключения мог сделать только человек, хорошо изучивший все последующее творчество Тургенева.

В «Литературных и житейских воспоминаниях» Тургенев признался, что когда он прочитал эту статью, то от горячих похвал критика «почувствовал больше смущения, чем радости» '. Это признание нуждается в поправке на время: автор «Записок охотника», «Дворянского гнезда», «Отцов и детей», наверно, уже не мог думать о своей ранней поэме без снисходительной улыбки. Однако смущение, о котором он говорит, вполне вероятно: - Тургенев ив начале 1840-х годов не переставал сомневаться в своем художественном

призвании, и статья учителя не только ободряла молодого писателя, но и обязывала его, давала критерий требований к самому себе и меру ответственности перед собственным талантом, перед литературой, перед обществом.

Тургенев написал небольшую, горячую статью на смерть Гоголя, которую председатель петербургского цензурного комитета запретил на том основании, что Гоголь — «лакейский писатель». Тогда Тургенев переслал статью в Москву, и там она стараниями его друзей — Боткина и Феоктистова — была напечатана.

Немедленно было назначено расследование; данные, полученные при перлюстрации тургеневских писем, и результаты наблюдений осведомителей были срочно обработаны, и Дубельт представил начальнику Третьего отделения Орлову проект «всеподданнейшего» доклада, в итоговой части которого было сказано: «...Находя, с одной стороны, что в нынешнее время литераторы являются действующими лицами во всех бедственных для государства смутах и на них необходимо обращать строгое внимание, а с другой стороны, что

Тургенев должен быть человек пылкий и предприимчивый, я полагал бы пригласить Тургенева в 3-е отделение соб. е. и. в. канцелярии, а Боткина и

Феоктистова к московскому генерал-губернатору, сделать им строжайшее внушение, предупредить их, что правительство обратило на них особенно бдительное внимание, и учредить за ними надзор полиции». В окончательном тексте этого документа Орлов по каким-то неизвестным причинам несколько смягчил и тон обвинений, и саму меру пресечения: вместо гласного полицейского надзора он предложил секретное наблюдение, то есть то, что уже было и до этого. Царю не понравилась эта «снисходительность». В своей резолюции (она приводится со всеми красотами стиля и вольностями орфографии) написал следующее: «Полагаю этого мало, а за явное ослушание посадить его на месяц под арест и выслать на жительство на родину под присмотр, а с другими предоставить г. Закревскому распорядиться по мере их вины». Во исполнение царской воли 28 апреля 1852 года Тургенев был водворен на съезжую 2-й адмиралтейской части. Даже по тем временам кара оказалась слишком жестокой; само собой напрашивалось предположение, что заметка о Гоголе была не единственной виной писателя.

Так понимал это и сам Тургенев. Вот что он писал своим друзьям во Францию: «Я нахожусь под арестом в полицейской части по высочайшему повелению, за то, что на печатал в одной московской газете статью в несколько строк о Гоголе. Это только послужило предлогом — статья сама по себе совершенно незначительна. Но на меня уже давно смотрят косо. Потому привязались к первому представившемуся случаю... Мои арест, вероятно, сделает невозможным печатание моей книги в

Москве». К счастью, последнее предположение не оправдалось: «Записки охотника» после некоторой задержки вышли в свет в августе 1852 года.

После освобождения из-под ареста Тургенев должен бы без промедления и задержек отправиться к месту своей ссылки - в родовое село Спасское-Лутовиново. Полтора год продолжалось это уединение. В первые месяцы его не увлекала даже охота; творческая работа почти остановилась. Тогдашние его письма наполнены жалобами на одиночество, настойчивыми просьбами посетить его и слова ми самой искренней и горячей благодарности тем, кто хоть ненадолго приезжал к нему в Спасское. Как литератор, он всегда испытывал острую потребность в общении со своими братьями по ремеслу, с людьми, любящими знающими искусство. Теперь встречи и беседы с людьми литературными мнениями которых он дорожил, были для него особенно необходимы.

«Отцы и дети» вызывали, по-видимому, самую ожесточенную полемику во всей истории русской литературы XIX столетия. Полностью принял Базарова и провозгласил его полным воплощением качеств революционного поколения 60-х годов один Д. И. Писарев. Антонович назвал Тургенева реакционером. Тургенев в пылу раздражения резко отзывался не только об Антоновиче, но и о Некрасове и о Чернышевском.

Полемика вокруг «Отцов и детей» напугала его. Сначала ему казалось, что он уж больше никогда не добьется взаимопонимания с тем читателем, мнением которого он дорожил больше всего, — взаимопонимания с молодым читателем своего времени. В связи с этим в Сознании Тургенева возникла тема трагической судьбы художника; он снова пережил полосу сомнений в собственном художническом призвании. Прямым выражением этих настроений была повесть «Призраки», в которой Тургенев развивает мысль о том, что художническая мысль и художническая фантазия, в сущности, бессильны перед глубокими тайнами жизни и перед тайнами народного сознания.

В эти же годы он, подобно Пушкину, в его знаменитом стихотворении «Сеятель», усомнится даже в плодотворности деятельности человека на благо общества. Именно об этом и идет речь в его повести «Довольно». Тем, что обыкновенно называют успехом у публики, он, по-видимому, уже не дорожил и все настойчивее думал о прекращении своей литературной деятельности... Но когда речь идет о Тургеневе, эти слова — успех у публики—требуют особого пояснения. «Искренне признаюсь, что я воспитана страхе почтеннейшей публике и что не вижу никакого стыда угождать ей и следовать духу времени!». Эти строки написал Пушкин. Он знал, что дух времени не всегда и не полно воплощается в мнении публики; он знал, как она многолика и непостоянна, как подвержена влияниям моды. Он, сам испытавший великую благосклонность публики, видел, что она все та же «почтеннейшая публика», нарасхват покупает бездарные лакейски- услужливые романы Булгарина. Однако ж он хорошо понимал и другое: истинный поэт может обратиться только к той

публике, которая дана ему судьбой; и он обязан долгом человечности пробуждать в ней «чувства добрые».

Тургенев и в этом смысле был похож на Пушкина. За свою долгую и не очень-то легкую жизнь и литературе он видел всякое: были годы, когда он был любимцем публики, и он находил в себе достаточно мужества и житейского такта, чтобы не делать вид, будто это сочувствие его несколько не радует. Позднее, на протяжении целого ряда лет, он был предметом ожесточенных нападение и справа и слева; он сердился на публику за ее холодность, отбивался, впадал в уныние, жаловался, грозился «положить перо»—и... ни на минуту не переставал терпеливо следить за тем, что волновало публику, на чем сосредоточились ее интересы. Его неизменное, внимание к жизни общества, неотступные думы о судьбах родной, страны помогли ему и на этот раз. Он пришел к мысли, что та острота общественной борьбы в стране, которая была так характерна для 60-х годов, не выражает всей глубины общественных процессов. Ему казалось тогда, что Россия несколько десятков лет может развиваться спокойно главное препятствие на пути ее прогресса— крепостное право — было отменено. Поэтому всякая борьба против реформационной политики правительства ему казалась вредной. Именно эта мысль и лежит в основе его романа «Дым». . "

Никогда еще сила тургеневского отрицания не выступала так открыто и прямо. Тургенев главные свои удары направил против крепостнической реакции.

Генеральская компания, собирающаяся вокруг Ратмирова - это люди чуждые не только народу, но и России. Не случайно Тургенев заставляет их действовать за границей: там они чувствуют себя непринужденнее, чем дома; в России они служат, подчиняются или распоряжаются, интригуют и только здесь живут, наслаждаются жизнью. Они враждебны, всему новому, всему, что хотя бы косвенно связано с идеей свободы. Здесь Тургенев, как и в годы создания «Записок охотника», еще раз возвращается к своей мысли о том, что дворянская среда, оторванная от народа и противопоставившая себя народу, враждебна человечности, враждебна искреннему человеческому чувству, враждебна красоте.

В критике, и современной Тургеневу и позднейшей, много споров вызывает вопрос о положительной программе Тургенева, как она выражена в этом романе. Современникам казалось, что Потугин является выразителем мнений самого Тургенева. На первый взгляд это как будто бы так и есть. Мысль о том, что России нужна цивилизация, что ее нужно лечить «гомеопатическими средствами», то есть улучшать общественный быт постепенно, терпеливо внедряя элементы европейской культуры, - это давняя излюбленная мысль Тургенева.

«Литературная деятельность Тургенева,— писал Салтыков-Щедрин в некрологической статье о Тургеневе, — имела для нашего общества руководящее значение, наравне с деятельностью Некрасова, Белинского и Добролюбова. И как ни замечателен сам по себе художественный талант его, но не в нем заключается тайна той глубокой симпатии и сердечных привязанностей, которые он сумел пробудить к себе во всех мыслящих русских людях, а в том, что воспроизведенные им жизненные образы были полны глубоких поучений.

Тургенев был человек высокоразвитый, убежденный и никогда не покидавший почвы общечеловеческих идеалов. Идеалы эти он проводил в русскую жизнь с тем сознательным постоянством, которое и составляет его главную и неоцененную заслугу перед русским обществом. В этом смысле он является прямым продолжателем Пушкину и других соперников в русской литературе не знает».

Заключение.

Принято говорить, что искусство проверяется временем. Это правда. Но ведь само-то время—вещь не только «необычно длинная», но и сложная. Теперь- то мы знаем, сколько относительности в этом понятии и как поразному переживается нами эта реальность — время. Поглощенные нашими ежедневными делами—крупными и мелкими, — мы обыкновенно не замечаем его, но бывает и так — правда, весьма редко,— что оно вдруг предстанет перед нами все целиком—чуть ли не от эпохи строительства древнеегипетских оросительных систем до событий сегодняшнего утра. И чаще всего это происходит Под воздействием подлинного искусства.

Россия, какой она была сто с лишним лет тому назад, какой знал ее Тургенев, изменилась так, как она не изменилась, может быть, за целую тысячу лет до него. В сущности, все, что мы встречаем на первом плане его произведений, безвозвратно ушло в прошлое. Время давно уже разрушило последние остатки подавляющего большинства тех барских усадеб, которые так часто встречались на дорогах этого писателя; сама недобрая память о помещиках и о дворянстве в его целом в наше время очень заметно потеряла в своей социальной остроте. И русская деревня уже не та.

Но, оказывается, судьбы его героев, таких далеких от нашей жизни, возбуждают в нас самый непосредственный интерес; оказывается, все, что ненавидел Тургенев, в конце концов ненавистно и нам; что он считал хорошим, чаще всего является таковым и с нашей точки зрения. Конечно, во многом мы с ним не можем согласиться, но только у самых самодовольных (они же, по убеждению Тургенева, и самые ограниченные) людей может появиться при этом чувство превосходства: мы и спорим с ним, как с нашим современником—мудрым и добрым. Художник победил время.

